

ДУГЛАС АДАМС

ЛОСОСЬ
СОМНЕНИЙ

Дуглас Ноэль Адамс
Лосось сомнений (сборник)
Серия «Мастера фантазии»

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=38575204
Дуглас Адамс. Лосось сомнений: АСТ; Москва; 2018
ISBN 978-5-17-110598-3

Аннотация

Дуглас Адамс раз и навсегда изменил облик научной фантастики своей юмористической «трилогией в пяти частях» «Автостопом по Галактике». К сожалению для его бесчисленных поклонников, он слишком быстро покинул наш трек, умчавшись к Беспредельному Ничто. Содержимое парка его любимых Macintosh, – собрание эссе, статей, забавных историй и рассказов дарит вам увлекательный и очень личный портрет многогранного художника и мастера гротеска. Присоединяйтесь к экскурсии, устроенной Дугласом Адамсом, чтобы подняться на Килиманджаро... в костюме носорога; заглянуть в частную жизнь Чингисхана – великого воина и невротика; узнать о титанических усилиях, предпринятых автором для экранизации «Автостопа» в Голливуде; услышать о дальнейших подвигах частного сыщика Дирка Джентли и двуглавого инопланетянина Зафода Библброкса.

Содержание

Предисловие редактора английского издания	5
Пролог	10
Предисловие	35
ЖИЗНЬ	43
Голоса вчерашних дней	44
Брентвудская школа	49
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Дуглас Адамс

Лосось сомнений

Douglas Adams

THE SALMON OF DOUBT:

HITCHHIKING THE GALAXY ONE LAST TIME

Печатается с разрешения литературных агентств Ed Victor Limited и The Van Lear Agency LLC.

© Completely Unexpected Productions Ltd, 2002

© Перевод. А. Бушуев, Т. Бушуева, 2018

© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству AST Publishers.

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Посвящается Полли

Предисловие редактора английского издания

Я познакомился с Дугласом Адамсом в 1990 году. Издательство «Хармони Букс» незадолго до этого назначило меня своим редактором, и я прилетел в Лондон с целью заполнить экземпляр его давно заявленного нового романа, пятого по счету, из цикла «Автостопом по Галактике» – «В основном безвредна». Не успел я позвонить в дверь дома Адамса в Ислингтоне, как вниз по длинной лестнице мне навстречу устремился высокий цветущий мужчина, тепло приветствовал меня и сунул в руки несколько страниц.

– Взгляните, что вы на это скажете? – бросил он через плечо и вновь побежал вверх.

Спустя час он вернулся, неся еще несколько листков и готовый выслушать мое мнение о предыдущей партии. Так прошел весь день – спокойные минуты, когда я мог углубиться в чтение, перемежались топотом ног по лестнице, разговорами и все новыми и новыми страницами. Как впоследствии оказалось, это излюбленный стиль работы Адамса.

В сентябре 2001 года, спустя четыре месяца после трагической и безвременной кончины Дугласа, мне позвонил его агент, Эд Виктор. Дело в том, что один добрый друг Адамса сохранил содержимое папок, что остались в обожаемых пи-

сателем «Макинтошах». Не хочу ли я взглянуть, что в них, может, там найдутся наброски будущей, но не законченной книги?

Спустя несколько дней я получил бандероль и, снедаемый любопытством, моментально сорвал обертку.

Мое первое впечатление: то, что сделал друг Дугласа, Крис Огл, сродни подвигу Геракла. Так оно оказалось и на самом деле. CD-ROM, на котором было записано содержимое этих папок, включал 2597 названий – начиная от огромных файлов с полными текстами романов Дугласа и кончая письмами от имени фонда «Спасем носорога», любимого детища писателя. Были там и увлекательные, хотя еще и сырые, наброски будущих книг, фильмов, телепрограмм – некоторые всего в пару предложений, другие – с полдесятка страниц.

Я откопал там заготовки речей, материалы, написанные Дугласом для его веб-сайта, вступительные заметки к книгам и лекциям, размышления на темы, близкие его сердцу: о музыке, технике, науке, исчезающих видах животных, путешествиях и солодовом виски (перечень далеко не полный). Наконец, я также обнаружил около десятка версий романа, над которым Дуглас бился почти целое десятилетие. Мои попытки – насколько удачные, судить вам – как-то рассортировать эти главы вы найдете в третьей части книги. Вы наверняка решите, что это стоило мне немалых трудов. Но, честно говоря, вопросы, если и возникали, почему-то решались

сами собой.

Роман был задуман Дугласом как третья часть приключений Дирка Джентли и поначалу назывался «Одной ложкой меньше» – по крайней мере так значится в файлах вплоть до августа 1993 года. Однако начиная с этого момента писатель именует свое произведение не иначе как «Лосось сомнений», а сами файлы распадаются на три категории.

Вот они, от самых ранних и до самых поздних: «Старый лосось», «Лосось сомнений» и «Лос-Анджелес/Носорог/Рантинг-Манор». Читая различные версии, я решил, что для этой книги будет разумно отобрать наиболее сильные куски, которые дают наилучшее представление о творчестве Дугласа, свести их воедино, независимо от того, когда они были написаны, – то есть сделать примерно то, что сделал бы и сам писатель, будь он жив. Поэтому из «Старого лосося» я взял кусок, который в этой книге значится как «Глава 1», про Дэйвлэнд. Последующие шесть глав позаимствованы практически в целостности и сохранности из второй, самой длинной, версии, «Лосось сомнений». Затем, чтобы читателю было понятно предполагаемое развитие сюжета, я добавил две из трех относительно недавно написанных глав из части «Лос-Анджелес/Носорог/Рантинг-Манор» (главы 8 и 9 этой книги). В поисках десятой главы я вернулся к последней главе «Лосося сомнений», которую завершил заключительной главой из самого свежего материала, написанного Дугласом, – «Лос-Анджелес/Носорог/Рантинг-Манор». Чтобы чи-

тателю было понятнее, каким виделся Дугласу его роман, я предварил текст факсом писателя его лондонскому редактору, Сью Фристоун, которая тесно сотрудничала с Дугласом при создании всех его книг – от первой до последней.

Вдохновленный чтением всех этих сокровищ, оставшихся нам в наследство от Адамса, я взял себе в помощники его бывшего личного секретаря, Софи Остин, чтобы та попыталась отыскать неучтенное наследство. Может, найдется что-нибудь еще, что можно будет включить в памятную книгу о Дугласе? Как оказалось, в периоды творческого затишья между сочинением романов и разработкой компьютерных игр Дуглас Адамс писал статьи в газеты и журналы. Эти статьи, вкуче с материалами компакт-диска, послужили изобильным источником для многих глав данной книги.

Затем перед нами встала задача отобрать материал, и тут уж, признаюсь честно, было не до объективности. Софи Остин, Эд Виктор и жена Дугласа, Джейн, – все наперебой предлагали понравившиеся им куски. Мне ничего не оставалось, как добавить к этому то, что нравилось лично мне. Когда же друг Дугласа и его деловой партнер Робби Стэмп выдвинул идею, чтобы книга имела ту же структуру, что и веб-сайт писателя («Жизнь, вселенная и все остальное»), все мгновенно встало на свои места. К моему немалому восторгу, сведенный нами воедино материал тотчас выстроился вдоль траектории такой короткой и вместе с тем такой удивительно яркой и насыщенной жизни Дугласа Адамса.

Моя последняя встреча с Дугласом состоялась в Калифорнии, куда я зимой приехал к нему по делам. В послеобеденные часы мы прогуливались по продуваемому всеми ветрами пляжу Санта-Барбары, и он то и дело пускался вдогонку за своей шестилетней дочерью, Полли. Никогда еще я не видел его столь счастливым и представить не мог, что это будет наша последняя встреча. С тех пор как его не стало, я вспоминаю о нем едва ли не каждый день. Даже спустя год после смерти Дуглас словно все еще с нами, и я не могу избавиться от мысли, что и он приложил руку к тому, чтобы книга эта увидела свет. Не сомневаюсь, Дуглас сделал бы все для того, чтобы она вам понравилась. Я тоже на это надеюсь.

Питер Гуззарди

Чэпел-Хилл, Северная Каролина

12 февраля 2002 года

Пролог

Николас Роу

«Гардиан»

Суббота, 3 июня 2000 года

В 1979 году, вскоре после того, как роман «Автостопом по Галактике» увидел свет, Дуглас Адамс получил от одного маленького книжного магазинчика в Сохо, специализировавшегося на фантастике, приглашение подписать экземпляры книги. По дороге туда его задержала какая-то демонстрация.

«Там была кошмарная уличная пробка и повсюду толпы народу», – вспоминает писатель. Лишь пробившись к магазинчику, он понял, что это толпа его поклонников. На следующий день Дугласу позвонил издатель, чтобы сообщить, что в воскресном выпуске лондонской «Таймс» его роман вышел на первую строчку в списке самых популярных книг. С этого момента для Дугласа Адамса началась совершенно иная жизнь.

«Это все равно, как если бы вас вертолетом забросили на Эверест, – говорит писатель, – или словить оргазм без предварительных утех».

Радиосериал «Автостопом по Галактике» превратился к тому времени в культовую передачу и был поставлен на сце-

не и на телевидении. В конечном итоге произведение растянулось на целых четыре книги, которые разошлись общим тиражом свыше четырнадцати миллионов экземпляров. По нему выпущены пластинки и компьютерные игры, и вот теперь, спустя два десятилетия голливудских сомнений и проволочек, «Автостоп», похоже, проложит себе путь и на большой экран.

События романа начинаются на Земле. Благовоспитанный житель престижного пригорода по имени Артур Дент пытается помешать местным властям, которые затеяли пустить его дом под снос, чтобы проложить на его месте новую автостраду. После того как его друг, Форд Префект – некоторые сравнивают его с Вергилием, а самого Дента с Данте, – признается, что является представителем некоей цивилизации в окрестностях звезды Бетельгейзе, Дент перебирается в космос.

По словам Форда, Земля, как и дом Артура, тоже вскоре «пойдет под снос», а на ее месте будет проложена сверхскоростная космическая автострада. Они попадают на борт вогонского космического корабля и начинают пользоваться «Путеводителем для путешествующих по Галактике автостопом». Кстати, сам этот путеводитель являет собой бесценный кладезь разнообразнейшей и весьма полезной информации о жизни, вселенной и всём прочем.

Творческая фантазия Адамса и его «межгалактический» юмор оставили свой, ни с чем не сравнимый след в совре-

менной культуре. Фраза «Автостопом по Галактике» вскоре стала воистину крылатой и зажила своей собственной жизнью. Само же произведение породило немало подражаний, как книг, так и телесериалов.

«Вавилонская рыбка» Адамса – небольшая рыбешка, которая, если положить ее себе в ухо, переведет вам что угодно на ваш родной язык, – стала значком переводящего устройства на одном из интернетовских поисковых серверов. После «Автостопа» Адамс создал еще несколько романов, телепрограмму, а также книгу и компьютерный диск об исчезающих видах. Он является также основателем интернет-компании – H2G2, которая недавно поставила себе целью оказывать помощь в получении достоверной научной информации о жизни вселенной и всём прочем по сотовому телефону.

Большую часть своих немалых гонораров Адамс тратит на различные технические новшества, к которым питает воистину пламенную страсть. Однако его никак не назовешь мечтателем не от мира сего, помешанным на научной фантастике. Он спокойный, общительный и крепко стоит на этой земле, высясь над ней почти на два метра. В нем с первого взгляда узнаешь выпускника закрытой частной школы вроде тех, что в семидесятые годы неожиданно подались в рок-звезды. Он сам однажды играл на гитаре в зале «Эрлз-Корт» вместе со своими приятелями, группой «Пинк Флойд».

И еще одна красноречивая деталь. Вместо того чтобы вытащить из бумажника небольшое, паспортного размера, фо-

то дочери, он открывает свой навороченный ноутбук, пробегает пальцами по клавишам – и вот вам в любительском видеоклипе Полли Адамс собственной персоной. Кстати, в нем же в одном из эпизодов задействован старый друг Адамса, комик Джон Клиз.

Вот такой стала жизнь писателя: деньги, друзья-знаменитости, дорогие игрушки. Если пробежать глазами основные события его жизни – частная школа, Кембридж, работа на Би-би-си, – то на первый взгляд в них нет ничего удивительного. Но на самом деле путь к успеху был далеко не столь прям и прост.

Дуглас Ноэль Адамс родился в Кембридже в 1952 году. Его любимая шутка: он был первой в городе ДНК¹, появившись на свет за девять месяцев до того, как Крик и Уотсон сделали свое знаменитое открытие. Его мать, Дженет, работала медсестрой в больнице, а отец, Кристофер, был по профессии учителем, однако позднее пытался продолжить образование в области теологии, служил в полиции и в конце концов работал консультантом по управлению бизнесом.

«Весьма странное, на мой взгляд, занятие, – замечает Адамс. – Любой, кто мало-мальски знал моего отца, скажет вам, что управление бизнесом отнюдь не та сфера, в которой он был силен».

Семья постоянно испытывала «недостаток в средствах», и родителям Дугласа пришлось уехать из Кембриджа, когда

¹ Т.е. DNA – инициалы писателя. – *Примеч. пер.*

мальчику исполнилось всего полгода. Адамсы поселились на восточной окраине Лондона, где постоянно переезжали с места на место. Когда Дугласу исполнилось пять лет, родители развелись.

«Невероятно, но дети воспринимают даже нелегкую жизнь как вполне нормальную, – говорит Адамс. – Конечно, было трудно. Родители развелись, а ведь тогда, по сравнению с нынешними временами, разводы были большой редкостью. Но если говорить начистоту, я почти ничего не помню до того момента, как мне исполнилось пять. Не думаю, что мне есть о чем жалеть».

После развода родителей Дуглас и его младшая сестра переселились с матерью в Брентвуд, в графстве Эссекс. Там миссис Адамс открыла приют для больных животных. Дуглас видел своего относительно не стесненного в средствах отца только по выходным, и отцовские визиты неизменно повергали мальчика в растерянность и смущение. Ситуацию усугубило то обстоятельство, что к этому времени у обоих родителей появились дети от вторых браков. По словам Адамса, хотя на каком-то уровне он принимал ситуацию спокойно, тем не менее она не могла не сказаться на его поведении. Себя в этом возрасте он запомнил как «дерганого и странноватого ребенка». Какое-то время учителя хором твердили, что он необучаем, но позднее, когда по прямому гранту Дуглас поступил учиться в Брентвудскую школу, его уже считали умным и даже одаренным мальчиком.

После войны из стен Brentwood вышло немало знаменитостей, причем в самых разных сферах человеческой деятельности. Модный дизайнер Харди Эмис, запятнавший себя историк Дэвид Ирвинг, телеведущий Ноэль Эдмондс, министр внутренних дел Джэк Строу, редактор лондонской «Таймс» Питер Стотард – все они учились там раньше Адамса. После него в стенах Brentwood получили образование комики Грифф Рис Джонс и Кит Аллен. В настоящее время в палате общин заседают четыре брентвудских выпускника – по двое от лейбористской и консервативной партий. Сейчас это кажется невероятным, но именно Адамс помогал семилетнему Киту Аллену осваивать премудрость игры на фортепьяно.

Когда Адамсу исполнилось тринадцать, его мать вторично вышла замуж и переехала в Дорсет, в результате чего статус Дугласа в школе резко изменился – из «приходящего» ученика он превратился в «интернатского». Кстати, мальчику это пошло только на пользу.

«Когда я уходил из школы в четыре часа дня, – рассказывает Дуглас, – то всегда в душе завидовал интернатским, потому что они оставались на ночь. Я был уверен, что им хорошо и весело, и поэтому, когда сам превратился в интернатского, был этому несказанно рад. Порой мне кажется, что во мне сидит смутьян и мятежник, по крайней мере таким я хотел бы себя видеть. На самом же деле я обожаю размеренность и порядок и лишь время от времени не прочь немного повыпендриваться. Нет ничего приятнее, чем нарушать, ни-

чем не рискуя, мелкие ограничения».

Адамс считает, что получил хорошее образование исключительно благодаря тому, что его учили «замечательные, всей душой преданные своему делу люди». На недавнем приеме в Лондоне он столкнулся с Джэком Строу из-за явной антипатии «Новых лейбористов» к прямым школьным грантам, доказывая, что им обоим такая система пошла только на пользу.

Фрэнк Хэлфорд в свое время преподавал в Брентвуде английский язык и литературу. Адамс запомнился ему как «высоченного роста компанейский парень». Тогда по телевизору только начали передавать сериал «Доктор Кто», и юноша написал к окончанию семестра сценку «Доктор Который». Спустя много лет Адамс уже сам писал сценарии для «Доктора Кто». По словам писателя, Хэлфорд поощрял его творческие поиски и продолжает это делать и сейчас.

«Однажды он поставил мне за сочинение десять баллов из десяти возможных. Это единственный случай за всю его долгую преподавательскую карьеру. Даже теперь, когда на меня порой находит черная тоска и мне кажется, что я исписался и больше не смогу выжать из себя ни строчки, меня утешает не то, что на моем счету несколько бестселлеров или что мне за них хорошо платили, причем авансом. Нет, душу мне согревает воспоминание о том, что однажды Фрэнк Хэлфорд поставил мне десять баллов из десяти, и поэтому для меня явно еще не все потеряно».

Такое впечатление, что с самого начала своей писательской карьеры Адамс умел превращать выходявшие из-под его пера строки в звонкую монету. Он продал журналу комиксов несколько коротких, по его собственному выражению, «размером с хокку» рассказов и заработал десять шиллингов.

«В те годы на такие деньги можно было приобрести едва ли не яхту», – шутит писатель.

Но в ту пору его влекла музыка. Адамс научился играть на гитаре, нота за нотой копируя сложную аппликатуру одного из ранних альбомов Пола Саймона. Сейчас у Адамса имеется богатая коллекция приспособленных для левши электрогитар, однако, по его собственному признанию: «в душе я поклонник мелодий в «народном» стиле. Даже выступая на сцене с «Пинк Флойд», я играл лишь самые простенькие ходы из «Brain Damage», там, где надо было только перебирать струны».

Адамс рос в шестидесятые годы, время, когда, как он пишет: «“Битлз” заронили мне в голову семя, от которого моя голова взорвалась. Каждые девять месяцев у них выходил новый альбом и, по сравнению с предыдущим, заново переворачивал мир. Мы были так помешаны на “битлах”, что когда вышла песня “Пенни Лейн” и мы прозевали услышать ее по радио, то лупили одного мальчишку, который ее слышал, до тех пор, пока он не напел нам мелодию. Сейчас я частенько встречаю вопрос, можно ли сравнить с “битлами” группу

“Оазис”». Мое мнение – нельзя, пусть даже не мечтают».

Не меньшее влияние оказал на будущего писателя и телесериал «Монти Питон». Еще в пятидесятые годы Адамсу доводилось слушать радиокомедии. Когда же он сделал для себя открытие, что «юмор – это способ самовыражения умных и одаренных людей», которые «не боятся нести полную чушь», это стало для него сродни откровению.

Следующий логический шаг – поступление в Кембриджский университет. «Потому что я мечтал играть в студенческом театре, – вспоминает писатель, – мечтал быть автором собственных скетчей, как у «Питонов». Уж если совсем откровенно, я мечтал оказаться на месте Джона Клиза. Понадобилось немало времени, чтобы мне окончательно стало ясно, что это место уже занято».

В университете Адамс быстро распрощался со сценой – «я был ужасно ненадежным», зато всюду принялся сочинять скетчи в духе «Питонов». Он вспоминает один такой скетч о железнодорожном рабочем, который получает от начальства замечание за то, что вечно оставляет открытыми стрелки на южном направлении лишь с той целью, чтобы доказать свою приверженность экзистенциализму. Или другую, об организационных трудностях ежегодного собрания «Общества параноиков».

Художественный директор Мэри Аллен, в прошлом член Художественного совета Королевской оперы, тоже училась в Кембридже и с тех времен сохранила с Адамсом теплую

дружбу. Ей доводилось выступать в написанных им скетчах. Ей запомнилось, что Адамс «всегда выделялся, даже на фоне других ярких личностей. Его скетчи отличал специфический юмор и индивидуализм. К ним надо было приспособиться, и они тоже должны были вам подойти. Даже в самых коротких скетчах он создавал свой, несурзный, фантазмагорический мир».

Вот что говорит по этому поводу сам Адамс:

«Меня мучило нечто вроде раскаяния из-за моего отношения к английскому. Мне казалось, что я должен сотворить нечто полезное и увлекательное. Но когда у меня появлялась такая возможность, я пользовался случаем, чтобы немного подурaczyć».

Даже его эссе полны разного рода приколов.

«Знай я тогда, что знаю сейчас, наверняка бы выбрал биологию или зоологию. Тогда я понятия не имел, что меня толком интересует. Теперь же мне ясно: биология – самое увлекательное из того, что можно себе представить».

Среди тех, кто учился в Кембридже одновременно с Адамсом, – адвокат и телеведущий Клайв Андерсон. Министр культуры Крис Смит был президентом студенческого союза. Адамс обычно открывал дебаты, но вовсе не потому, что его интересовала политика.

«Мне просто требовался повод поразглагольствовать. Теперь я нахожу даже несколько странным, что эти люди стали известными фигурами. Мои современники потихоньку на-

чинают получать награды за заслуги, так что хочешь не хочешь, а начинаешь испытывать нервозность».

После университета Адамс получил возможность поработать с одним из своих кумиров. Участнику «Питонов» Грэму Чэпмену так понравились отдельные скетчи студенческого театра, что он решил поближе познакомиться с их автором. Когда Адамс приехал к Чэпмену, тот первым делом – к великому восторгу начинающего драматурга – попросил помочь со сценарием.

«Дело кончилось тем, что мы проработали с ним около года. Главным образом, сочиняя телесериалы, которые не пошли дальше пилотной версии».

Чэпмен в это время «высасывал в день по две бутылки джина, что точно не способствует работе». Однако, по убеждению Адамса, Чэпмен – редкостный талант.

«Без него могла застопориться любая работа; с другой стороны, чтобы его таланту раскрыться во всей своей силе, требовалось чье-то дисциплинирующее воздействие. Обычно его роль состояла в том, чтобы придумать что-нибудь эдакое, отчего все первоначальные задумки летели вверх тормашками».

Когда их с Чэпменом пути разошлись, карьера Адамса начала пробуксовывать. Он продолжал сочинять скетчи, однако денег это занятие не приносило.

«Как выяснилось, я не ахти какой мастер сочинять скетчи. Например, у меня никак не получалось писать их на заказ, и

тем более на заданную тему. Правда, иногда у меня получалось что-нибудь ужасно смешное, но не в тему».

Нынешний глава отдела развлекательных передач Би-би-си Джефффри Перкинс был в свое время продюсером радиоверсии «Автостопа». Он вспоминает, как впервые увидел Адамса, когда в студенческом театре шла работа над постановкой скетчей.

«Сначала на него набросился кто-то из актеров, после чего он сам в изнеможении упал в кресло. В следующий раз я столкнулся с ним, когда он пытался сочинять скетчи для радиопередачи «В выходной день» – своего рода учебный полигон для начинающих радиосценаристов. Адамс вошел в число тех из них, кто с треском провалился на испытании. Главным требованием этой передачи было умение сочинить что-то такое, что звучало бы всего тридцать секунд, Дугласу же никак не удавалось написать даже одно-единственное предложение длительностью менее полуминуты».

Мечта стать профессиональным писателем рушилась буквально на глазах. Адамсу ничего не оставалось, как перепробовать себя в других ипостасях: какое-то время он даже подрабатывал уборкой курятника, а после – телохранителем у правящего семейства Катара.

«Не иначе как охранная контора испытывала недостаток в кадрах. Я получил эту работу, наткнувшись на объявление в “Ивнинг Стэндард”».

Тем же самым некоторое время подрабатывал и Грифф

Рис Джонс – по рекомендации Адамса. Писатель вспоминает, как с каждым днем все сильнее тяготился этой своей работой, особенно ночными дежурствами у дверей гостиничного люкса.

«Я постоянно размышлял о том, что занимаюсь совсем не тем, чем хотелось бы. На Рождество я поехал провести мать и остался у нее на весь год».

Адамс вспоминает, как вся семья переживала за него. Он продолжал время от времени посылать на радио свои скетчи, но, по его собственному признанию, уже почти ни на что не надеялся. И даже позднее, когда к нему пришли и слава, и деньги, неуверенность в собственных силах все еще давала о себе знать.

«Временами на меня находили периоды неуверенности в себе, – признается он. – Я отказывался верить, что на что-то способен, и никакие доказательства обратного не могли поколебать меня. Я даже одно время ходил к психоаналитику, но потом понял, что это примерно то же самое, как если бы фермер жаловался на плохую погоду. Как можно исправить погоду? Приходится просто воспринимать ее как данность».

Помогло ли ему такое отношение к себе?

«Не слишком», – пожимает он плечами.

В некотором смысле «Автостоп» стал для Адамса последним броском жребия, но если смотреть на это событие с высоты прожитых лет, то более удачный момент трудно представить. Благодаря «Звездным войнам» фантастика вошла

в моду; сочинять же скетчи после «Питонов» было пустой тратой времени. Настал момент соединить первое и второе – юмор и фантастику.

«Питон» Терри Джонс прослушал пленку с записью еще до того, как та вышла в эфир. По его словам, его поразило, как Адамсу удалось воплотить в ней «интеллектуальный подход и сильные концептуальные идеи. Такое впечатление, будто то, что выходит из-под его пера, обязано своим появлением критическому взгляду на жизнь, как выразился бы Мэттью Арнольд. Есть в том, что он пишет, как моральная, так и критическая основа, за которыми стоит мощнейший интеллект. Например, у Джона Клиза тоже мощный интеллект, но скорее логически-аналитического характера. У Адамса же – скорее прикольно-аналитического».

Джефффри Перкинс согласен с этим мнением, хотя, если верить его воспоминаниям, на «Автостоп» тогда никто не возлагал особых надежд.

«Дуглас взялся за дело, полный идей, однако слабо представляя себе, что в конечном итоге из этого выйдет. Он писал прямо-таки по-диккенсовски, по небольшому куску каждую неделю, сам не зная, во что это выльется дальше».

К тому моменту, как радиопередача в 1978 году вышла в эфир, по словам самого писателя, он провел над ее созданием около девяти месяцев и заработал тысячу фунтов.

«Прошло немало времени, прежде чем писательское ремесло начало приносить мне мало-мальский доход».

Поэтому он был вынужден устроиться на Би-би-си продюсером, хотя продержался на должности всего полгода. Вскоре выяснилось, что параллельно основной работе Адамс занимается сочинением очередного радиосериала, романа, телесериала и эпизодов к «Доктору Кто». Несмотря на то что он тянул на себе весь этот непомерный творческий груз, за ним начала постепенно складываться его знаменитая репутация бездельника.

«Обожаю крайние сроки, – говорит он. – Обожаю свист, с которым они, словно встречный ветер, проносятся мимо».

Успех только способствовал укреплению привычки. Сю Фристоун, его редактор, быстро поняла, что Дуглас относится к писательскому труду как к своего рода актерской игре, и ради перестраховки перенесла свой кабинет к нему в столовую.

«Ему постоянно требуется аудитория, на которой он проверяет свои вещи, но порой эта его привычка может оборачиваться и против него самого.

В одной из его первых книг был эпизод, где он описывает тарелки, причем на каждой лежит по банану. Судя по всему, эта деталь была крайне важна, и я попросила его объяснить мне ее смысл. Но Дуглас – большой любитель подразнить аудиторию и поэтому ответил мне, что объяснит позже. В конце концов мы добрались с ним до заключительных страниц книги, и я вновь поинтересовалась: «Ну ладно, Дуглас, при чем там все-таки бананы?» Он посмотрел на меня

непонимающим взглядом. Он уже успел про эти самые бананы напрочь забыть. Я до сих пор напоминаю ему о них, но он так и не может припомнить, зачем они ему тогда понадобились».

Сценарист и продюсер Джон Ллойд был дружен с Адамсом еще до начала работы над «Автостопом». Он отлично помнит моменты «растерянности и паники», которые то и дело случались с писателем.

«Как-то раз, когда Дуглас заканчивал работу над одним из своих романов, мы с тремя друзьями проводили отпуск на Корфу. Дело кончилось тем, что он оккупировал весь дом. В одной комнате он творил, в другой спал, третья нужна была ему для того, чтобы по ней расхаживать, когда на него нападала бессонница, и т. д. и т. п. Ему даже в голову не приходило, что другим ночью хочется спать. Нет, он мыслит галактическими масштабами и поэтому частенько забывает о том, что живет рядом с нами, на грешной земле. Причем совершенно не со зла, нет – в душе Дуглас добр. Просто когда на него нападает паника оттого, что он не в состоянии выжать из себя ни строчки, что так и не завершит книгу, – тогда по сравнению с его проблемами все остальное бледнеет и отходит на второй план».

Тем не менее работа все же была завершена и понравилась читателю. Книги Адамса стали бестселлерами. Писатель даже получил от своего американского издателя два миллиона долларов аванса. Вместе с Джоном Ллойдом они сочинили

пародийный словарь «Смысл жизни», в котором привычные нам вещи – такие, как, например, настроение, которое испытываешь в четыре часа дня, когда еще толком ничего не сделал, – получают названия разных городов. Скажем, Фарнхэм – это лучшее название для небольшой депрессии. В конце восьмидесятых Адамс сочинил два пародийных детективных романа про Дирка Джентли.

Несмотря на юмор, которым пронизаны его произведения, Сью Фристоун вспоминает, какое неизгладимое впечатление произвела на нее серьезность, с какой восприняли их некоторые читатели.

«Например, в «Автостопе» говорится, что для того, чтобы вас не покидало чувство уверенности, нужно всегда иметь при себе полотенце. Мне рассказывали об одной женщине, умиравшей в хосписе, которая уверовала, будто ей станет лучше, потому что у нее при себе есть полотенце. То есть она как бы взяла и соединила вселенную Дугласа со своей собственной. Надо сказать, что Дуглас страшно смущался, когда слышал подобные вещи. Но для той женщины, которой вскоре предстояло отойти в мир иной, полотенце в буквальном смысле слова превратилось в своего рода оберег».

Дуглас писал и на серьезные темы. Второй роман про Дирка Джентли – на самом деле роман о бездомных, бесприютных, неприкаянных и отверженных.

«Воображение Дугласа гораздо глубже, нежели кажущаяся поверхностная развлекательность, – замечает Фристоун. –

Под тонким слоем юмора кроется серьезный пласт социальной критики, но только при условии, что вы хотите его обнаружить».

Выйдя из периода творческого застоя и безденежья, Адамс активно работал, пока не приблизился к сорока, после чего нарочно заставил себя притормозить.

«Я застрял в самой середине романа. Может показаться черной неблагодарностью, но когда я только и знаю, что раздаю автографы, то вскоре впадаю в раздражение и депрессию».

По собственному признанию писателя, он до сих пор воспринимает себя в первую очередь как сценариста, лишь волею обстоятельств вынужденного сочинять романы.

«Звучит невероятно, но какая-то часть меня до сих пор чувствует себя обманутой, причем обманщик этот – я сам. С другой стороны – вечные денежные проблемы. Получаешь сногшибательные гонорары, которые тебя не радуют, и, получив, первым делом спускаешь на совершенно ненужные или бесполезные вещи – и вновь приходится впрягаться в лямку, чтобы заработать».

В середине восьмидесятых Адамс, по собственному признанию, оказался на грани финансового краха. Он отказывается разглашать подробности, лишь говорит, что хотя все по привычке считали его человеком состоятельным, в карманах у него было негусто. В принципе нетрудно проследить перемены в жизни писателя в период между выходом в эфир пер-

вой и второй части радиосериала. В первой части большая часть шуток так или иначе связана с пабами и отсутствием денег, во второй писатель подшучивает над дорогими ресторанами и бухгалтерами.

«Я чувствовал себя как белка в колесе, – вспоминает он. – Хотя сам был не рад, что угодил в него. Но когда в двадцать пять лет пишешь свой первый роман, за спиной уже есть двадцатипятилетний опыт, только опыт этот незрелый, юношеский. Вторая книга выходит в свет через год после сидения в книжных магазинах за раздачей автографов. И вскоре начинаешь ощущать, что исписался».

Чувствуя, что почти полностью сжег запас «творческого топлива», писатель попробовал то, что он сам окрестил «творческим севооборотом». В частности, в этот период в нем проснулся интерес к новым информационным технологиям, а также проблемам защиты и сохранения окружающей среды. В 1990 году он написал книгу «Больше вы их не увидите».

«Как нередко бывает, из того, что мною написано, эта книга пользовалась у читателей наименьшей популярностью. Для меня же она – предмет гордости».

Адамс начал работать над книгой, когда по заданию одного журнала отправился на Мадагаскар на поиски редкого вида лемуру. Поначалу он воспринимал это как своего рода развлекательную прогулку, но потом увлекся по-настоящему. Увлечение экологией пробудило в нем не менее страст-

ный интерес к эволюции.

«Я словно получил в свои руки путеводную нить и, следуя за ней, набрел на такие вещи, сделал для себя такие открытия, что они стали для меня настоящим откровением».

Ссылка в конце его электронных писем перенаправляет адресата в «Фонд защиты горилл» Дианы Фосси и фонд «Спасем носорога». Подпись Адамса стоит также под проектом декларации прав человекообразных обезьян, призванной изменить статус наших ближайших родственников, признав за ними право на «жизнь, свободу и защиту от физических унижений».

Адамс также входил в число активистов проекта «Комики против голода», хотя сам он не из тех, кто готов демонстративно облачиться ради правого дела во власяницу. Стены дома в Ислингтоне, где он устраивал частые вечеринки, помнят немало знаменитых рок-звезд. Например, Гэри Брукер из «Прокोल Харум» однажды исполнил здесь полную версию легендарного хита «Бледнее бледного» («Whiter Shade of Pale»), включая строчки, не вошедшие в официальный альбом. Бывали здесь и медиамагнаты, и миллиардеры-компьютерщики. А еще – что на первый взгляд может показаться невероятным, зная дугласовский атеизм, – каждый раз на Рождество писатель устраивал у себя дома рождественские песнопения.

«Ребенком я был ревностным христианином, с удовольствием пел в школьном хоре, и рождественские песнопения

всякий раз трогали меня до глубины души».

Своим личностным становлением, по его собственному признанию, писатель обязан Баху, «Битлз» и «Питонам». Как увязать все это с его страстной приверженностью атеизму?

«Жизнь полна самых разных вещей, причем все они воздействуют на нас по-своему, – поясняет Адамс. – И то, что, по-моему, Бах глубоко заблуждался, не отменяет того, что его месса си-минор – непревзойденная вершина человеческого духа. Она до сих пор будоражит меня до слез. И вообще, я до сих пор питаю глубочайший интерес к религии. Единственное, что я отказываюсь взять в толк, как умные и образованные люди способны воспринимать ее серьезно».

Эта привязанность к традиции, если не к традиционным верованиям, делает понятным и то, почему у его дочери Полли есть четверо «не-крестных». В их числе Мери Аллен. Именно она познакомила Адамса с его будущей женой, адвокатом Джейн Белсон. Вот что она сама рассказывает об этом:

«В начале восьмидесятых Дуглас впал в очередной творческий кризис и каждый день названивал мне. В конце концов я заинтересовалась, не скучно ли ему одному. Мне казалось, что ему должно быть страшно одиноко в огромной квартире. Вскоре к нему переехала Джейн».

После нескольких размолвок они все-таки в 1991 году сочетались браком и до прошлого года жили в Ислингтоне. Год назад семья перебралась в Санта-Барбару.

По словам самого Адамса, переезд дался ему с большим трудом.

«Лишь недавно мне стало понятно, насколько моя жена противилась переезду в Америку».

Но сейчас он рекомендует подобный смелый шаг всем своим друзьям.

«В середине жизненного пути просто полезно сняться с насиженного места и отправиться за тридевять земель. Словно рождаешься заново, начинаешь заново жить. Ощущаешь небывалый прилив сил».

Участие Адамса в создании интернет-компаний прекрасно вписывается в эту философию. Его основная должность – поставщик идей.

«Я никогда не пытался представить себя в роли эдакого Артура Кларка номер два, фантаста-прорицателя будущего. Мой «Автостоп» – по сути дела, что-то вроде устройства по впитыванию самых сумасшедших идей, что, словно искры, летят во все стороны от вращающегося колеса; правда, должен признать, что устройство вышло весьма удачное. Но не следует забывать, что мы еще в самом начале пути, – предостерегает Адамс, – в некотором роде мы все еще барахтаемся на мелководье, в то время как океан лежит перед нами даже непотревоженный».

В числе других новых проектов – с опозданием как минимум на восемь лет – очередной роман о Дирке Джентли, фильм на ту же тему, веб-сайт и сетевой роман.

«Я давно уже говорил о том, что грядет время сетевой литературы и какую огромную роль ей суждено сыграть. И вдруг узнаю, что Стивен Кинг, опередив меня, опубликовал в Интернете роман. Разумеется, чувствую себя последним идиотом, потому что, по всем расчетам, я должен был его опередить».

Проект фильма, по словам Адамса, находился «двадцать лет в стадии запора». По мнению писателя, снимать в Голливуде фильм «сродни попытке весьма оригинальным способом зажарить на гриле бифштекс – пропустить мимо куска мяса длинную очередь, чтобы каждый немного подышал на него».

Тем не менее, несмотря на неповоротливость голливудской машины, Адамс полон энтузиазма относительно предстоящих съемок.

«Имея в своем распоряжении неопробованные методы, можно впасть в соблазн экспериментаторства и пытаться вставить в работу новые трюки в ущерб тому, что, собственно, хочешь сказать. Вот почему есть своя прелесть в работе с испытанным средством, где нет необходимости решать проблемы новизны, потому что здесь все уже обкатано и опробовано».

После долгого творческого затишья Адамс мудро подмечает, как часто все эти новые проекты и идеи отпадают сами собой.

«Я столько лет посвятил сочинению новаторских рома-

нов, что нуждался в передышке. Я много размышлял, причем размышлял творчески, о самых разных вещах, не связанных с написанием романов. Сначала мне казалось, будто я исписался, но теперь чувствую, что топливный бак снова полон».

Николас Роу

ЖИЗНЬ С ПЕРВОГО ВЗГЛЯДА: Дуглас Ноэль Адамс.

РОДИЛСЯ: 11 марта 1952 года, Кембридж.

ОБРАЗОВАНИЕ: Брентвудская школа, Эссекс; Сент-Джон Колледж, Кембридж.

СЕМЕЙНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ: 1991 год – женился на Джейн Белсон; 1994 год – родилась дочь Полли.

КАРЬЕРА: 1974–1978 годы – сценарист на радио и телевидении; 1978 год – радиопродюсер на Би-би-си.

ИЗБРАННЫЕ СЦЕНАРИИ: «Автостопом по Галактике», 1978 и 1980 (для радио), 1981 (для телевидения).

ИГРЫ: «Путеводитель для путешествующих по Галактике автостопом», 1984; «Звездный корабль “Титаник”», 1997.

КНИГИ: «Автостопом по Галактике», 1979; «Ресторан “У конца Вселенной”», 1980; «Жизнь, Вселенная и все остальное», 1982; «Смысл жизни» (совместно с Джоном Ллойдом), 1983; «Всего хорошего, и спасибо за рыбу!», 1984; «Детективное агентство Дирка Джентли», 1987; «Долгое чаепитие», 1988; «Больше вы их не увидите», 1990; «Глубокий

СМЫСЛ *жиздни*» (вместе с Джоном Ллойдом), 1990; «В основном безвредна», 1992.

Предисловие

Для меня это в высшей степени дугласовский момент. Дугласовские же моменты обычно предполагают хотя бы одно из следующего:

- компьютеры «Эппл-Макинтош»;
- невозможные крайние сроки;
- Эда Виктора, его литагента;
- исчезающие виды;
- ужасно дорогие пятизвездочные отели.

Я печатаю этот текст на компьютере (разумеется, «Макинтоше»), самым бессовестным образом нарушая все крайние сроки, установленные для меня Эдом Виктором. Ну пожалуйста, можно я сдам предисловие к «Лососю сомнений» к следующему вторнику?

При этом я нахожусь в «Мирафлоресе», ужасно дорогом пятизвездочном парк-отеле в Лиме, в Перу. Я здесь потому, что готовлюсь отправиться в горы на поиски очкового медведя, одного из самых редких видов млекопитающих, которому грозит полное истребление. А пока я поглощаю огромные вазы фруктов и почитываю в свое удовольствие Луиса Редерера.

Ну а поскольку отель, как я уже сказал, ужасно дорогой,

здесь в каждом номере есть выход в Интернет, и я только что посмотрел по компьютеру двухчасовой фильм, в котором глава «Макинтоша» Стив Джобс выступал с речью на выставке продукции его компании в Сан-Франциско. Владыка Компьютерной Империи только что торжественно продемонстрировал новый «I-Мак», а я так и не смог позвонить Дугласу или отправить ему е-мейл с этой потрясающей новостью. Увы, ему не увидеть новый, суперrrrrrrреволюционный эппловский шедевр. Ему не позабавиться с «I-Pod», не попробовать силы в «I-Photo».

Для любого, кто знал Дугласа Адамса, включая меня самого и миллионы его почитателей, есть в этом что-то до боли очевидное и печальное. Это ужасно и для него самого, потому что ему никогда не увидеть Последние Достижения Техники. Это ужасно и для нас, потому что эти самые Достижения лишились своего пламенного поэта.

Как вы понимаете, я тщетно пытаюсь прийти к какому-то мнению. Пытаюсь уяснить себе, как устроены эти новые машины. Нет, я, конечно, могу воспользоваться собственными глазами и собственным рассудком, но я привык полагаться на непревзойденные дугласовские прозорливость и чутье. Он бы наверняка тотчас нашел нужное слово, удачное сравнение, свежую метафору. И не только для Последних Достижений Техники. Он бы наверняка сумел связать милую непосредственность и неуклюжесть очковых медведей с нашим человеческим опытом и отвлеченной научной мыслью. Зна-

чительная часть мира, в которой мы вращаемся, стала гораздо яснее и понятнее, после того как мы взглянули на нее глазами Дугласа. Более того, нам даже стало яснее и понятнее наше собственное абсурдное непонимание мира.

Мы никогда не утруждали себя размышлениями о том, какое сумасшедшее это место – наша вселенная, сколь полна она самых разных противоречий и как смешны и глупы в ней мы сами. Не задумывались до тех пор, пока Дуглас не продемонстрировал нам это в своей ненавязчивой, парадоксальной и игривой манере, которая лишь сильнее оттеняет его ум.

Я только что вышел из ванной, где, между прочим, обнаружил, что кусок мыла, что отель кладет для своих гостей (наглухо запечатанный в совершенно дурацкую пластиковую обертку, которую не разорвать зубами, а разорвав, не уничтожить), теперь уже и не мыло вовсе, а Миндальное Очищающее Средство для Лица. Рука так и чешется написать Дугласу e-мейл – ответ пришел бы мгновенно! Но, увы, больше не придет, по крайней мере не в этой жизни. Не сомневаюсь, он бы так рассмешил меня, что я бы еще добрых полчаса носился волчком по номеру, хохоча и напевая себе под нос.

Было немало сказано о том – особенно в те печальные несколько недель, что последовали за безвременным уходом писателя, – какой Дуглас был непревзойденный комик, сколь широк был круг его интересов, впрочем, и поклонников то-

же. Эта книга призвана показать нам, что он был и непревзойденным учителем. Точно так же, как закатам уже никогда не быть такими, как встарь, после того, как на них взглянул Тёрнер, так и лемур и чашка чая никогда больше не будут для нас прежними после того, как на них на мгновение задержался острый и наблюдательный глаз Дугласа.

Несправедливо, когда тебя просят написать вступление к книге, которая включает самое блестящее предисловие из когда-либо написанных на тему написания предисловий. Еще более несправедливо, когда тебя просят написать вступление к посмертной публикации одного из самых выдающихся юмористических авторов нашего времени, когда книга, для которой оно предназначено, уже сама содержит предисловие к посмертной публикации одного из самых выдающихся юмористических авторов, а именно написанное Дугласом предисловие к книге Вудхауса «Закат в Блэндинге». Как метко подметил на заупокойной службе литагент Дугласа, Эд Виктор, это предисловие само по себе не что иное, как точнейшее описание литературного дарования самого Адамса. Конечно, сам Дуглас, когда писал знаменитое предисловие, меньше всего думал об этом.

Нет, он не был по-английски до противности скромнен, но это еще не значит, что он был тщеславен, что любил выставить свои таланты, прихвастнуть ими. Зато хорошо известна его страсть делиться идеями, его энтузиазм, с которым он мог поймать вас по телефону, за обеденным столом или в

туалете и не отпускать, пока не выговорится.

В этом смысле – надеюсь, читатель не сочтет мои слова за неуважение к писателю – разговаривать с Дугласом *tête a tête*, с глазу на глаз, это ужасно изматывающее занятие, которое может утомить любого, кто не способен следить за резкими поворотами его мысли, вечными перескакиваниями с темы на тему. Его манера письма сравнима с блестящими пируэтами, и, поверьте мне, не много найдется в этом мире представителей рода человеческого, способных выполнить сложнейшие пируэты, не разнеся при этом в щепки мебель, а вкупе с ней и надежду тех, кто оказался рядом, остаться живыми, как то умел Дуглас Адамс.

То был писатель. Есть такие, что сочиняют время от времени, и при этом неплохо, и есть *писатели*. Дуглас – и нет особой необходимости это объяснять или анализировать – родился, вырос и прожил всю свою – увы, столь недолгую – жизнь, от первого дня и до последнего, как Писатель. В последние десять лет, даже когда он перестал сочинять романы, он все равно ни на секунду не переставал быть Писателем, и «Лосось сомнений» – яркое тому подтверждение. Готовился ли он к лекциям, сочинял ли материалы для газет и журналов, в том числе на научные и технические темы, прирожденный дугласовский дар облекать свои мысли в слова, складывать слова в предложения – с тем чтобы затем будить, будоражить, восхищать, развлекать, смешить, просвещать читателя – никогда не покидал его.

Его стиль начисто лишен самолюбования, и каждая фигура речи, каждый художественный прием используется тогда, и только тогда, когда того требует целостная идея произведения. Надеюсь, что когда вы будете читать эту книгу, то поразитесь откровенной (и совершенно обманчивой) простоте его стиля. Возникает ощущение, что он разговаривает с вами словно на бегу. Но, как и Вудхаус, эта легкость и кажущаяся гладкость, с которой работает писательский мотор, на самом деле результат огромного труда по отладке и смазке всех этих невидимых нашему глазу винтиков и гаек.

У Дугласа немало общего с другими самобытными талантами (с тем же Вудхасом). Их роднит умение создать у читателя впечатление, будто автор обращается к нему, и только к нему. Подозреваю, что именно этим объясняется и страстная, неумная любовь почитателей (терпеть не могу это слово!) к его книгам. Когда смотришь на картины Веласкеса, слушаешь Моцарта, читаешь Диккенса или хохочешь над выходками Билли Конноли, – называю наугад хотя бы некоторых (а ведь известно, что нет ничего мучительнее, чем наугад называть имена, призванные служить в качестве примера или аргумента), – начинаешь понимать: то, что они делают, они делают для всего человечества; результат же получается непревзойденный.

Когда же любишься творениями Блейка, слушаешь Баха, читаешь книги Дугласа Адамса или смотришь выступление Эдди Лизарда, кажется, будто все это предназначено только

тебе, будто ты единственный, кому дано понять их до конца, во всей их глубине. Я выдвигаю это как гипотезу. Разумеется, творчество Дугласа не сопоставимо ни с высотами Баха, ни с напряженным внутренним космосом Блейка. И тем не менее смею утверждать, что моя теория верна. Это сродни чуду любви. Стоит наткнуться в тексте на свежую, неизбитую фразу или меткое дугласовское словцо, которое моментально засядет к вам в голову, как возникает желание похлопать по плечу первого встречного, чтобы поделиться с ним вашей радостью. Этот первый встречный наверняка рассмеется, по достоинству оценив остроумие автора, и все равно подспудно в вашей душе укрепитя мысль, что никому, кроме вас, не дано до конца прочувствовать мощь и красоту его стиля. Точно так же, как ваши друзья (слава Богу!) вряд ли влюбятся в избранницу вашего сердца, хотя вы и готовы часами рассказывать им о ее достоинствах.

Перевернув пару страниц, вы погрузитесь в мудрый, дразнящий, игривый, душевный и манящий мир Дугласа Адамса. Не надо пытаться заглотить его сразу, целиком. Как и столь любимая Дугласом японская кухня, поначалу он может показаться вам непритязательным и легким, но на самом деле он гораздо тоньше и гораздо питательнее, чем на первый взгляд.

Обычно, чтобы не навредить славе недавно скончавшегося писателя, нижний ящик стола остается заперт на прочный замок – так лучше для его имени. Но в случае с Дугласом

Адамсом — и я думаю, вы со мной согласитесь, — нижний ящик стола (или, точнее, папки на жестком диске) достоин того, чтобы стать известным городу и миру.

Крис Огл, Петер Гуззарди, жена Дугласа Джейн и его помощница Софи Остин сделали великое дело. В отличие от мира, где есть Дуглас Адамс, мир без Дугласа Адамса скучен и пуст. Так пусть же резвые прыжки «Лосося сомнений» развеют нашу меланхолию после его неожиданного, преждевременного ухода.

Стивен Фрай, Перу, январь 2002

ЖИЗНЬ

Дорогой издатель!

Пот стекал по моему лицу и капал мне на колени. Моя одежда сделалась совершенно мокрой и липкой. Я сидел, и расхаживал, и смотрел. Я сидел и отчаянно дрожал, не сводя глаз с узкой щели, и все ждал, ждал. Когда я сжимал руки в кулаки, мои ногти впивались в мякоть ладоней. Я проводил рукой по мокрому, разгоряченному лицу, по которому струился пот. Напряжение было просто невыносимым. Я кусал губы, пытаюсь унять терзающую меня дрожь. Неожиданно щель приоткрылась, и в нее забросили почту. Я возмущенно вцепился в моего долгожданного «Орла» и сорвал с него упаковочную бумагу.

На целую неделю моим мучениям наступил конец!

Д. Н. Адамс (12 лет), Брентвуд, Эссекс

23 января 1965 года

«Орел» и «Бойз Уорлд Мэгэзин»

[Примечание редактора: В шестидесятые годы английский научно-фантастический журнал «Орел» пользовался чрезвычайной популярностью. Настоящее письмо – первое из опубликованных в периодике произведений Дугласа Адамса, которому в ту пору было двенадцать лет.]

Голоса вчерашних дней

Свои школьные годы я помню смутно. Все, что тогда происходило, было лишь фоном для моих попыток вдоволь послушаться «Битлз». Когда на свет появилась песня «Любовь не купишь» («Can't Buy Me Love»), мне было двенадцать лет. Я тайком выскользнул из школы во время утреннего перерыва на чашку молока, купил себе пластинку и ворвался в комнату сестры-хозяйки, так как лишь там имелась радиола. Поставил виниловый диск на проигрыватель – не слишком громко, чтобы не поймали, но и не совсем тихо, а чтобы можно было слышать, прижав ухо к динамику. Затем поставил еще раз – для другого уха. После этого я перевернул пластинку на другую сторону и проиграл песню «Ты этого не сделаешь!» («You can't do that»).

Именно за этим занятием и застукал меня воспитатель и произвел мое задержание. Чего и следовало ожидать. Но для меня то была смехотворно малая цена за радость слушать то, что сегодня я считаю истинным искусством.

В те дни я, конечно же, не знал, что это искусство. Тогда мне было известно лишь то, что «Битлз» – самая классная вещь во всей вселенной. Отстаивать эту точку зрения было отнюдь не всегда легко. Во-первых, приходилось сражаться с фанатами «Роллинг стоунз», для чего требовалось проявлять чудеса изобретательности, поскольку в драке они совер-

шенно не отличались благородством, да и кулаки у них были поувесистее. Кроме того, приходилось вести непрерывную войну со взрослыми, родителями и учителями. По их мнению, я напрасно тратил драгоценное время и карманные деньги на ерунду, которая ровно через неделю обязательно вылетит из головы.

Обнаружилось, что мне трудно понять, почему они это говорят. Я пел в школьном хоре и знал, как слушать гармонию и контрапункт. Мне было ясно, что «Битлз» – нечто чрезвычайно умное. Я недоумевал, почему никто другой не услышал невероятных гармоний и модуляций, прежде просто неслыханных в поп-песнях. «Битлы», очевидно, просто использовали все это ради только им ведомого, своего собственного тайного удовольствия. Мне казалось потрясающим уже то, что кто-то вообще способен получать удовольствие от написания такой музыки.

Другая удивительная сторона творчества «Битлз» заключалась в том, что они постоянно разочаровывали меня. Стоило им выпустить новый альбом, как после нескольких прослушиваний он становился мне неинтересен, оставляя растерянным и равнодушным. Затем эта загадка постепенно разгадывалась сама собой. Я начинал понимать, что причина моей растерянности заключалась в том, что я слушал Нечто такое, что просто-напросто было не похоже на все то, что когда-либо было создано раньше.

«Another girl», «Good Day Sunshine» и необычная, ни на

что не похожая «Drive My Car». Сегодня эти песни настолько привычны, что, пожалуй, потребуется серьезное усилие воли, чтобы вспомнить, насколько непривычными они показались мне в первый раз. Иначе говоря, «Битлз» не просто сочиняли песни, они изобретали среду, в которой творили.

Мне так и не довелось их увидеть. Знаю-знаю, в это трудно поверить. Я был их современником, жил в одно с ними время, когда они всю выступали и гастролировали, но ни разу не увидел их «живьем». Меня хлебом не корми, дай об этом порассуждать. Так что не надо ездить вместе со мной в Сан-Франциско, иначе я затаскаю вас по Кэндлстик-парку, долго и нудно рассказывая о том, что в 1966 году «Битлз» сыграли там свой последний концерт. Это случилось незадолго до того, как до меня дошло, что рок-концерты как раз то самое, куда можно ходить, даже если живешь в Брентвуде.

Как-то раз один мой школьный приятель раздобыл билеты в студию звукозаписи, где должны были записывать шоу Дэвида Фроста, однако в конце концов мы с ним решили не идти. В тот же самый вечер я посмотрел это шоу по телевидению и увидел в нем «Битлз», исполнявших «Hey, Jude». По этому поводу я страдал целый год. Второй прокол – это когда я решил не ехать в Лондон: как оказалось, в тот самый день «битлы» давали там свой знаменитый «крышный» концерт на Сэвил-роу. Об этом – хотя с тех пор прошло столько лет – я не могу спокойно говорить по сей день.

Что ж, годы летят стрелою. Вот уже нет и «Битлз». Одна-

ко Пол Маккартни по-прежнему не стоит на месте. Несколько месяцев назад мне позвонил гитарист Робби Макинтош и сказал: «Через несколько дней мы выступаем в «Худом скрипаче», не хочешь прийти послушать?»

Это был один из самых идиотских вопросов, которые мне задавали в жизни, но тогда я несколько секунд натужно пытался сообразить, что же имел в виду мой собеседник. «Худой скрипач» – поясняю для тех, кто этого не знает, – это паб в не слишком симпатичном районе северо-западного Лондона. Там есть зальчик, где выступают разные музыканты. Туда порой набивается до двухсот человек.

Именно словечко *мы* временно сбilo меня с толку, потому что я знал, что группа, в которой в настоящее время играет Робби, – это группа Пола Маккартни. Ну кто бы мог подумать, что Маккартни играет в пабах! Уж если Маккартни играет в пабах, было бы глупо думать, что я не пойду. И я пошел.

В пабе, для двух сотен людей, Пол Маккартни исполнил несколько песен, которые, как мне кажется, он никогда раньше не исполнял на публике. Назову хотя бы пару из них. Это были «Here, There and Everywhere» и «Blackbird». О Господи, я ведь и сам когда-то исполнял «Blackbird» в пабах! В свое время я провел несколько недель подряд, разучивая ее на гитаре, вместо того чтобы готовиться к экзамену на аттестат зрелости. Теперь же мне показалось, что меня глючит.

Было еще два момента полного моего изумления. Один из

них – последний номер, исполненный на бис. Это было абсолютно безупречное, совершенно громоподобное исполнение – хотите верьте, хотите нет, – песни «Sgt. Peppers Lonely Hearts Club Band». (Не забывайте о том, что все это происходило в *набе*!) Второе – величайшая рок-н-рольная песня всех времен и народов «Can't Buy Me Love», которую я впервые в жизни услышал, прижимаясь ухом к динамику дешевого проигрывателя в одной из комнат моей школы.

Есть такая игра, когда ее участникам задают вопросы, – например: «В какую эпоху вам хотелось бы жить и почему?» В Италии эпохи Возрождения? В моцартовской Вене? Шекспировской Англии? Лично мне очень хотелось бы жить там и тогда, где и когда жил и творил Бах. Однако мне всегда чертовски трудно играть в эту игру, потому что жить в любой период истории, кроме нашего, означает жизнь без «Битлз», а я готов совершенно искренне заверить вас в том, что жить без них я просто не могу. Моцарт, Шекспир и Бах всегда были и остаются с нами, но я вырос вместе с «битлами» и не уверен, что кроме них что-то еще могло так сильно повлиять на меня.

А Полу Маккартни завтра исполняется пятьдесят. С днем рождения, Пол! Эту дату я помню всегда.

*Газета «Санди таймс»,
17 июня 1992 г.*

Брентвудская школа

Я проучился в Брентвудской школе полных двенадцать лет. В общем и целом, эти годы можно назвать неплохим времечком, полным своих взлетов и падений. Они были в меру счастливыми, в разумных пределах бесшабашными, чуть более азартными, чем лично мне тогда нравилось, и отмечены наличием хороших (а временами и крайне эксцентричных) преподавателей.

Лишь гораздо позже мне стало ясно, какую основательную подготовку я получил в Брентвуде, – особенно по английскому языку и физике. (Как это ни странно!) Тем не менее лично для меня весь мой двенадцатилетний опыт пребывания в школьных стенах омрачается воспоминанием об одном жутком, оставившем в моей душе незаживающие раны, эпизоде. Я имею в виду эпизод с Брюками. Позвольте пояснить подробнее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.